

Они сидели в тени на обочине дороги, время от времени поглядывая на двух увлечённых собак.

— Ну, когда же они закончат? — пробормотал Цао Е, подобрал с земли камешек и бросив его в сторону.

— Кто же их знает. — Лян Сычжэ встал, сходил в магазинчик напротив, купил два мороженых и, вернувшись, протянул одно Цао Е.

— Они ещё не закончили. Сколько это может продолжаться?.. — Цао Е, снимая обёртку с мороженого, снова взглянул на собак. Те всё ещё были сплетены вместе и увлечённо тряслись. При свете дня на это было невыносимо смотреть.

— Это твоя собака, почему ты спрашиваешь меня? — рассмеялся Лян Сычжэ.

— Слушай... — Цао Е повернулся к Лян Сычжэ и тихо спросил: — А сяо Бай родит щенят?

— Вполне возможно.

— Тогда получатся метисы... — повернувшись, пробормотал в воздух Цао Е.

«Как он замысловато выражается... Метисы», — подумал Лян Сычжэ и снова рассмеялся.

Цезарь закончил свои дела только тогда, когда они доели мороженое. Не дожидаясь, пока Цао Е подойдёт к нему, он сам подбежал, виляя хвостом и заискивающе глядя на хозяина. Он даже принёс в зубах поводок.

«Каков хозяин, таков и пёс», — подумал Лян Сычжэ. Их манера подлизываться была на удивление похожа.

Цао Е с отвращением взял из пасти Цезаря поводок:

— Ты что творишь? Сяо Бай же намного меньше тебя!

Цезарь хотел было прижаться к нему, но Цао Е, присев на корточки, отстранился:

— Эй, не трогай меня!

Видя, что хозяин не расположен к нему, Цезарь оглянулся на сяо Бай и с тоской тявкнул. Сяо Бай посмотрела на него и нежно ответила.

— Какая трогательная любовь... — Лян Сычжэ засмеялся. — Похоже, они созданы друг для друга... Ну что, оставишь его здесь?

— Я бы рад, но дедушка не разрешит. Он говорил, что в ближайшие дни собирался свозить Цезаря на случку... — Цао Е вдруг резко обернулся. — Думаешь, сегодняшний инцидент этому не помешает?

— Не должен.

— А если он влюбился в сяо Бай, сможет ли он... сделать это с другими собаками?

— Тогда подари сяо Бай своему дедушке.

— Ну ты... — Цао Е посмотрел на виляющего хвостом Цезаря. — Почему я раньше не замечал, что ты такая собака?!

Лян Сычжэ снова рассмеялся. Каждый раз, когда Цао Е смотрел на Цезаря, Лян Сычжэ начинал смеяться, не в силах остановиться. Какой же этот мальчишка всё-таки забавный...

После ужина за Цезарем приехал тот же водитель, который привёз его днём.

Они вернулись в дом, и Цао Е, плюхнувшись на кровать, сказал:

— Какое счастье, что есть кондиционер! Человек, который его изобрёл, настоящий гений.

— Такая температура подходит? — Лян Сычжэ взял пульт и уменьшил температуру.

— Идеально! — Цао Е взял телефон. — Позвоню маме по видеосвязи.

Внизу в караоке ещё не настало самое шумное время, но доносившиеся оттуда звуки проникали сквозь щели в окне. Цао Е надел наушники и, прислонившись к изголовью кровати, начал видеозвонок.

Лян Сычжэ убавил звук телевизора. По CCTV6 шёл старый дублированный фильм. Фильм был не особо увлекательным, а слова Цао Е, сидевшего рядом, так и лезли ему в уши, игнорировать их было невозможно.

Цао Е общался со своей матерью совсем не так, как с Цао Сююанем. Лян Сычжэ видел, как он держится с Цао Сююанем — словно маленький лев, готовый к битве. Но во время видеозвонка с матерью он превращался в львёнка.

За то время, что они жили вместе, Цао Е несколько раз звонил матери, но ни разу не позвонил Цао Сююаню. У Лян Сычжэ сложилось впечатление, что чувства Цао Е к отцу были довольно противоречивыми: он жаждал его внимания и заботы, но никогда не пытался заслужить его расположение или понравиться ему... Впрочем, это было даже к лучшему. Если бы Цао Е позвонил Цао Сююаню, его ложь быстро бы раскрылась...

— Мам, смотри, какой кондиционер мне папа поставил! — Цао Е встал на кровать и, подняв телефон, показал настенный кондиционер. — А то я тут чуть не умер от жары!

— Папа... Он ко мне неплохо относится. Купил мне завтрак, поставил кондиционер. Дядя Инь сказал, что они сейчас за границей выбирают место для съёмок, наверное, они очень заняты...

— ...Я занимаюсь музыкой, правда! Я даже скрипку с собой привёз! — Цао Е спрыгнул с кровати, босиком подошёл к столу, открыл футляр и достал скрипку. Затем, держа телефон в одной руке, а скрипку — в другой, он подошёл к Лян Сычжэ. — Подержи, пожалуйста. — Он сел на край кровати Лян Сычжэ и картинно принял позу скрипача. — Я каждый день занимаюсь. Кстати, мам, познакомься с моим другом.

Отложив скрипку в сторону, он подвинулся ближе к Лян Сычжэ. Лян Сычжэ немного сместился, освобождая ему место. Цао Е вынул один наушник из уха и протянул его Лян Сычжэ, затем взял телефон и направил камеру на них обоих.

Собираясь поздороваться с матерью Цао Е, Лян Сычжэ выпрямился и вежливо произнес:

— Здравствуйте... — Но, увидев на экране женщину, остолбенел. — Ли... лаоши...Ли Ю?

Он не был так поражён даже при первой встрече с Цао Сююанем, потому что тогда не узнал его. Но Ли Ю была другой. В мире скрипки её статус был не ниже, чем у Цао Сююаня в китайском кинематографе. Он никак не ожидал встретить легендарного мастера при таких обстоятельствах.

— Здравствуй, Сычжэ, — Ли Ю приветливо улыбнулась ему с экрана. — Когда я последний раз разговаривала с сяо Е, он упоминал тебя. Он, наверное, доставил тебе много хлопот за эти дни.

— Нет, что вы. — Лян Сычжэ невольно выпрямил спину ещё больше. — Он... очень послушный.

— Ты и сам ещё ребёнок, а говоришь, что другой ребёнок послушный, — засмеялась Ли Ю.

Цао Е склонил голову, чтобы попасть в кадр, и пожаловался матери:

— Он пользуется тем, что на два года старше меня, и заставляет меня называть его «Сычжэ-гэ».

— Ты и должен называть его братом. Дети тоже бывают старшие и младшие, — улыбнулась Ли Ю.

— Пфф, не буду я тебя так называть, Лян Сычжэ. — Цао Е обнял его за шею и, повернувшись, посмотрел на него. — А ты откликнешься, если я позову тебя просто Лян Сычжэ?

В присутствии Ли Ю Лян Сычжэ не мог просто взять и оттолкнуть его, поэтому только и сказал, глядя на близко расположенное лицо Цао Е:

— Думаешь, я попадусь на эту удочку? [1]

[1] Фраза «你他大爷的» (nǐ shì yínjiǎo dàiwáng a) буквально переводится как «Ты что, Серебряный Король Демонов?». Это отсылка к персонажу из классического китайского романа «Путешествие на Запад». Серебряный Король Демонов известен своей хитростью и тем, что притворяется другими, чтобы обмануть своих жертв. В данном случае, Лян Сычжэ иронично намекает на то, что Цао Е пытается хитростью заставить его откликнуться на менее формальное обращение.

Ли Ю разразилась смехом. Она была совсем не похожа на тот образ богини, который он привык видеть по телевизору. Смеясь, она сказала:

— Боже, как же тебе тяжело приходится, Сычжэ...

Спустя некоторое время Цао Е забрал телефон и, лёжа на кровати, продолжил разговор с Ли Ю. Лян Сычжэ потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. Он не интересовался сплетнями из мира шоу-бизнеса и, хотя видел выступления Ли Ю, никогда не интересовался её личной жизнью. Поэтому он впервые узнал, что Цао Сююань и Ли Ю — муж и жена.

Ли Ю производила впечатление очень мягкого человека, но при этом от неё исходила какая-то успокаивающая сила. Лян Сычжэ начал понимать, почему Цао Е вырос таким беззаботным и наивным. Ли Ю относилась к нему как к маленькому ребёнку, хотя шестнадцатилетнего подростка уже сложно было назвать ребёнком в полном смысле этого слова. Но в Цао Е каким-то образом сохранилась эта детская непосредственность... Его характер идеально сочетался с окружением, в котором он рос. Неудивительно, что он вырос таким необыкновенным юношей.

Союз звезды кинематографа и звезды мира скрипки... Теперь понятно, почему вся съёмочная группа хотела, чтобы именно Цао Е сыграл сяо Маня. Будь он на месте любого члена съёмочной группы, он бы тоже не смог остаться объективным. Ведь эта роль была создана для Цао Е...

Через несколько минут Цао Е закончил разговор. Он бросил телефон в сторону и хлопнул себя по руке — раздался звонкий шлепок. Затем он показал Лян Сычжэ раздавленного комара на ладони:

— Опять комар!

— Да, днём я открывал окно. — Лян Сычжэ взглянул на комара и взял пульт, чтобы сделать телевизор погромче.

Цао Е пошёл в ванную мыть руки и громко крикнул через стену:

— А-а-а... Знал бы, не звал тебя вниз! Средство от комаров ещё осталось?

— Нет. — «Ты ведь за раз используешь полфлакона, давно всё извёл».

Цао Е вышел из ванной и, стоя в изножье кровати, спросил:

— А спирали от комаров?

— Закончились. — Магазин внизу закрывался после полуночи, и сейчас купить спирали было нигде.

— Меня укусили, весь чешусь! Тебя не кусают?

— Вроде нет... — Лян Сычжэ посмотрел на свои руки.

Цао Е почесал укусы:

— Почему тебя не кусают?

— Не знаю... Наверное, все комары решили покусать тебя.

— А-а-а, с ума сойти! — вскрикнул Цао Е, снова хлопнув себя по руке и, опустив взгляд, начал считать укусы. — Меня уже три раза укусили!

Он почесал поясницу, оглянулся и ещё больше расстроился:

— Почему меня кусают даже через одежду?!

«Потому что, когда ты лежал, часть твоей талии была обнажена», — подумал Лян Сычжэ.

Цао Е сражался с комарами добрых полчаса, бегая по комнате и пытаясь их прихлопнуть. Но, похоже, напившись крови, комары стали необычайно проворными. Стоило ему приблизиться,

как они тут же улетали.

— Ладно, — сдался он полчасика спустя, садясь на кровать. — Пусть подавятся.

— Если будешь двигаться, они тебя не укусят, — усмехнулся Лян Сычжэ.

— А что мне делать, когда я буду спать?

— Установи кондиционер на более низкую температуру и укройся одеялом.

— А, — протянул Цао Е. — Ну и невезучий я. Получается, я для тебя — живая спираль от комаров?

— Похоже на то, — рассмеялся Лян Сычжэ. Слова Цао Е попали в точку. Раньше Лян Сычжэ, хоть и не особо привлекал комаров, всё же изредка получал укусы-другой. Но рядом с Цао Е его ни разу не укусили. Подумав, он спросил:

— На крыше остались спирали от комаров. Хочешь подняться?

— Хочу! — без раздумий ответил Цао Е.

Когда они встали с кровати, Лян Сычжэ заметил скрипку, которую Цао Е оставил на кровати. Он хотел что-то сказать, но Цао Е опередил его, взяв скрипку в руки:

— Давай возьмём её с собой наверх.

— Давай, — согласился Лян Сычжэ.

Цао Е убрал скрипку в футляр:

— Можно поднять её на удочке.

— Давай лучше... просто возьмём её с собой, — сказал Лян Сычжэ. Скрипка явно стоила немалых денег.

— Ну ладно, — согласился Цао Е.

Они открыли окно и вылезли на подоконник. Лян Сычжэ, находясь в комнате, передал ему скрипку, а затем сам выбрался наружу и закрыл окно.

На крыше, как всегда, было тихо. В этот раз Лян Сычжэ не стал садиться у края. Он подстелил несколько старых газет и, сев, посмотрел на Цао Е:

— Раз уж ты принёс скрипку, то сыграй мне что-нибудь.

— Ты правда хочешь послушать? — Цао Е почесал затылок.

— Ты же взял скрипку с собой, наверняка догадывался, что тебе этого не избежать? — Лян Сычжэ улыбнулся. — Давай.

Держа гриф скрипки в левой руке, а смычок в правой, Цао Е сказал:

— Когда ты так на меня смотришь, я немного нервничаю.

— Чего тут нервничать? — Лян Сычжэ рассмеялся. — Ты же не побоялся играть перед своей матерью, Ли Ю, а передо мной вдруг испугался?

— Эх, это совсем другое дело... Ну ладно... — Цао Е поднёс скрипку к плечу, аккуратно приложил смычок, посмотрел на Лян Сычжэ и спросил:

— Что сыграть?

Когда он принял эту позу, он стал совсем не похож на того беззаботного повесу, каким был обычно. Лян Сычжэ, глядя на него, подумал и сказал:

— Сыграй мелодию, которую ты тогда узнал, «Дьявольскую сонату».

— Она такая сложная! — тут же воскликнул Цао Е. — Может, попросишь что-нибудь попроще?..

— Попробуй, давай, — улыбнулся Лян Сычжэ.

— Ладно... — сдался Цао Е.

В ночной тишине зазвучала чарующая мелодия скрипки. Юноша слегка склонил голову, его волосы плавно двигались в такт движениям смычка. Когда Цао Е был серьёзен, на его лице появлялось непривычное спокойствие.

«Дьявольская соната» была любимым произведением Лян Сычжэ, которое он часто играл до

аварии. Эта пьеса считалась одной из самых сложных для скрипки и требовала виртуозного владения различными техниками: стаккато, глиссандо, маркато, трелями, флажолетами, двойными флажолетами. Ему нравилось полностью погружаться в музыку, сосредотачивая всё своё внимание на скрипке.

Лян Сычжэ смотрел на Цао Е. В исполнении Цао Е пьеса звучала совсем иначе, чем в его собственном. Некоторые сложные пассажи он упрощал, но в других местах добавлял свои собственные нюансы, используя вибрато. Если бы Лян Сычжэ нужно было оценить его игру, он бы сказал: «Техники не хватает, но таланта хоть отбавляй». То же самое можно было сказать и о самом Цао Е.

Пьеса была длинной, и Цао Е, сыграв отрывок, остановился. Он опустил смычок, посмотрел на Лян Сычжэ с напряжением и ожиданием в глазах:

— На этом всё. Как тебе?

Лян Сычжэ впервые увидел на его лице такое напряжённое выражение и улыбнулся:

— Мне очень понравилось. Вибрато ты сам добавил?

— Угу... — смущённо ответил Цао Е. — Иногда я добавляю его непроизвольно. Не слишком много?

— Нет, мне кажется, в самый раз.

— Ты говоришь как мой учитель... — Цао Е опустил скрипку, с облегчением вздохнув. — Почему я так нервничаю, когда играю перед тобой?

— Откуда мне знать... — рассмеялся Лян Сычжэ.

Подумав, Цао Е сам нашёл объяснение:

— Наверное, потому что ты мой ровесник, но при этом играешь намного лучше меня.

— Я старше тебя на два с лишним года, если ты не забыл. И я не уверен, что играю намного лучше тебя. Мы примерно на одном уровне.

— Да ладно! Ты же первый скрипач оркестра!

Лян Сычжэ посмотрел на него:

— Это Му Кэ тебе сказала?

— Ага...

— А что ещё она рассказывала?

— Больше ничего особенного. Только то, что ты очень крутой, и в музыкальной школе тобой все восхищаются.

— Восхищаются? — Лян Сычжэ усмехнулся, услышав такое описание. — Они так и сказали?

— Это я сам так выразился...

— О, маленький принц идиом, — засмеялся Лян Сычжэ.

— Тогда... может, попробуешь? — Цао Е присел перед Лян Сычжэ на корточки и протянул ему скрипку со смычком. — Сыграй что-нибудь простое.

Лян Сычжэ никогда не думал, что снова возьмёт в руки скрипку в чьём-либо присутствии. Но, возможно, атмосфера этого вечера была настолько приятной, что он, повинувшись внезапному импульсу, взял скрипку. Он и представить себе не мог, что снова сможет держать её в руках с таким спокойствием. Лёгкий аромат сосны, исходящий от скрипки, достиг его носа. Смычок коснулся струн, и давно забытое чувство разлилось по его затекшим пальцам. Пальцы Лян Сычжэ зашевелились — это была бессознательная реакция, выработанная годами непрерывных тренировок, инстинктивный неврологический рефлекс.

Но сейчас он ясно осознавал, что больше не сможет свободно сыграть ни одной мелодии. Затем, к своему удивлению, он обнаружил, что может принять этот факт так же спокойно, как сейчас спокойно держал в руках скрипку Цао Е. В этот момент он понял, что скрипка действительно превратилась в шрам на его теле. За те дни и ночи, что он провёл с Цао Е, толстый струп, из-под которого сочилась кровь, незаметно отпал, превратившись в гладкий, мягкий шрам, который можно было трогать, не чувствуя боли. Этот мучительный процесс каким-то чудесным образом завершился так плавно и незаметно. Это было просто невероятно.

— Что сыграть? — Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е, задав тот же вопрос, что и он сам несколькими минутами ранее. Подумав, он улыбнулся:

— Сыграю Twinkle Twinkle Little Star, которой ты меня научил.

Пальцы левой руки двигались не очень ловко, но это не имело значения. Лян Сычжэ понимал, что уже неважно, насколько плохо он сыграет эту мелодию.

Одну за другой он неумело извлекал ноты левой рукой. На этот раз Цао Е не подпевал. Он сидел на корточках перед Лян Сычжэ, как зритель, и в его слегка прищуренных глазах отражался ясный свет ночной луны.

В голове Лян Сычжэ всплыл голос Цао Е, чистый и звонкий. «Какие же там были слова?.. Ах да...»

Up above the world so high,

Like a diamond in the sky.

Высоко ты надо мной,

Как алмаз во тьме ночной.

(перевод О. Седаковой)

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130259>